

19. Chatman, S. *Story and Discourse. Narrative Structure in Fiction and Film* / S. Chatman. – Ithaca, London : Cornell University Press, 1978. – 277 p.
20. Janik, D. *Literatursemiotik als Methode. Die Kommunikationsstruktur des Erzähltextes und der Zeichenwelt literarischer Strukturen* [1973] / Janik D. – Tübingen : Narr, 1985. – 157 S.
21. Nöth, W. *Handbuch der Semiotik* [1985] / W. Nöth. – Stuttgart, Weimar : Metzler, 2000. – 667 S.
22. Stanzel, F.K. *Theorie des Erzählens* [1979] / F. K. Stanzel. – Göttingen : Vandenhoeck und Ruprecht, 2001. – 339 S.

СЕМАНТИКА ТЕРМИНА КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ

А.И. Мартынова

Белорусский государственный университет

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ana.martynova.am@gmail.com

Для развития межкультурной коммуникации в сфере информационных технологий необходимо четкое понимание дефиниции того или иного используемого термина. Целью настоящей статьи является сравнительный анализ понимания термина «киберпреступность» в законодательствах различных стран. Гипотезой является предположение о важности наличия единообразного перевода и понимания терминов, используемых в сфере информационно-коммуникационных технологий.

Ключевые слова: киберпреступность; защита; компьютерное устройство; семантика; термин; информационные технологии; калькирование; перевод; лексика.

SEMANTICS OF THE TERM CYBERCRIME

A.M. Martynova

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

According to the author, a clear understanding of the definition of a term is necessary for the development of intercultural communication in the field of information technology. The purpose of the article is a comparative analysis of the term "cybercrime" understanding in the laws of various countries. The thesis hypothesis is the assumption of the importance of having a uniform translation and understanding of the terms used in the field of information and communication technologies.

Key words: cybercrime; protection; computer device; semantics; term; information technology; calquing; translation; vocabulary.

Киберпреступность является собой любую преступную деятельность, в техническом исполнении которой участвует компьютер, сетевое устройство или сеть. Несмотря на то, что большинство киберпреступлений совершается преступниками с целью извлечения прибыли, некоторые из киберпреступлений совершаются исключительно против самих устройств непосредственно с целью их повреждения или отключения.

Повсеместное распространение интернет-соединений позволило увеличить объем и темпы роста киберпреступности, поскольку преступнику больше не нужно физически присутствовать при совершении преступления. Скорость интернета, анонимность и отсутствие физических границ, препятствующих совершению преступления, облегчают исполнение компьютерных преступлений, таких как мошенничество, вымогательство, отмывание денег, а также преступлений, совершаемых на почве ненависти, (личное преследование и запугивание) и т.д.

Основным негативным эффектом киберпреступности является прямое воздействие на финансовую сферу государства, в связи с тем, что киберпреступность может включать в себя множество различных видов криминальной деятельности, ориентированной на получение прибыли, движение денежных средств в неизвестных государству направлениях, возникновению рисков, связанных с необходимостью компенсирования похищенных денежных средств и иных ценностей [7].

Переходя к анализу понимания термина киберпреступность, необходимо отметить, что термин имеет широкую вариативность толкований в зависимости от правовой системы, в которой он содержится. Так, например, Министерство юстиции США разделяет явление киберпреступности на три категории:

К первой категории относятся преступления, в которых компьютерное устройство является целью (например, для получения доступа к сети);

Ко второй относятся преступления, при которых компьютер используется в качестве орудия совершения преступления (например, для запуска атаки типа «отказ в обслуживании») (DoS);

К третьей категории относятся преступления, при которых компьютер используется в качестве средства совершения преступления (например, использование компьютера для хранения незаконно полученных данных).

В свою очередь, Конвенция Совета Европы о киберпреступности также содержит дефиницию термина киберпреступность. Так, киберпреступность определена как широкий спектр злонамеренных действий, включающий незаконный перехват и (или) завладение данными, создание системных помех, которые нарушают целостность и доступность сети и (или) информации, находящейся в такой сети, а также нарушения авторских прав (пиратство) [6].

Остановимся детальнее на семантическом значении термина киберпреступность в русском языке. В широком смысле семантика – раздел лингвистики, изучающий смысловое значение единиц языка. В узком смысле – не просто наука, изучающая значение слов, однако и то, как мы трактуем каждое конкретное значение слова в динамике живого языка. А именно: когда оно говорится, как оно говорится, и самое главное – зачем оно говорится [3].

Рассмотрим вариативность трактовок киберпреступлений в отечественных и зарубежных научных кругах. Так, преступления, совершаемые в киберпространстве номинируются по-разному: компьютерные преступления, преступления в сфере безопасности обращения компьютерной информации, преступления в сфере высоких технологий, информационные преступления, киберпреступления и др.

Следует отметить, что понятие «киберпреступность» (с англ. – *cybercrime*) по смыслу шире, чем «компьютерная преступность» (*computer crime*), и более полно отражает природу такого масштабного явления, как преступность в киберпространстве. Ведь термин «киберпреступность» относится к преступлениям, совершенным как с использованием компьютеров, так и с использованием информационных технологий и глобальных сетей, в то время как понятие «компьютерная преступность» в основе своей относится к преступлениям, совершаемым против электронных устройств и хранящихся в них данных [4].

Если обратиться к интернет-системе двуязычных словарей «Мультитран» за переводом термина «*cybercrime*» мы получим несколько вариацией перевода данного слова, связанных с различными сферами права, такими, к примеру, как

уголовно-процессуальное право, право безопасности, и даже программирование, однако фактическое значение данного термина отличается по своей сути после осуществления перевода. К примеру, общий перевод в указанной системе предлагает пользователю значение «киберпреступление», уголовно-процессуальный (специальный перевод) – «преступление в сфере компьютерной информации», а комплексный специальный юридический перевод интерпретирует данный термин как «киберпреступность».

Согласно рекомендациям экспертов ООН термин «киберпреступность» охватывает любое преступление, которое может совершаться с помощью компьютерной системы или сети, в рамках компьютерной системы или сети или против компьютерной системы или сети [2].

Компьютерный словарь технических терминов (<https://techterms.com/>) понятие «*cybercrime*» (киберпреступность) раскрывает следующим образом – это преступная деятельность, совершаемая с использованием компьютеров и Интернета. Таким образом, к киберпреступлениям может быть отнесено любое преступление, совершенное в электронной среде.

Можно заметить, что отсутствует единообразный подход к переводу указанного термина на русский язык и наличествуют существенные различия в его толковании в зависимости от сферы его применения.

Термин «*cybercrime*» английского происхождения. Обратим внимание на способ заимствования профессиональной лексики, при котором указанное слово оказалось в современном русском языке.

Представляется, что в данном случае заимствование лексики произошло посредством частичного калькирования – фрагментарного заимствования ассоциативного значения и структурной модели слова «*cybercrime*». То есть, законодательствами не производилась разработка аутентичного собственного перевода указанного термина [1].

Что касается законодательства Республики Беларусь, термин «*cybercrime*» на сегодняшний день не нашел своего аутентичного перевода и регламентации в нормативно-правовых актах. Вместе с тем Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК РБ), наряду с диспозициями статей, элементы которых содержат запрет на осуществление мошеннических действий с персональными данными физических лиц, ограничивающих возможность обработки и хранения таких данных, содержит и отдельные статьи, связанные именно с операциями, предметом которых выступают данные, размещенные в сетях, компьютерах и иных устройствах. Так, к примеру, в соответствии со статьей 216 УК РБ закреплена ответственность за причинение ущерба в значительном размере посредством извлечения имущественных выгод в результате обмана, злоупотребления доверием или путем модификации компьютерной информации при отсутствии признаков хищения [5].

В связи с вышеизложенным, принимая во внимание различное толкование рассматриваемого термина от юрисдикции к юрисдикции, а также отсутствием детальной регламентации указанного термина в законодательстве Республики Беларусь видится необходимым выработка единообразного подхода к пониманию (переводу), а также последующему использованию полученного значения данного термина.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Макаревич, И. И. Использование методов переводческого моделирования при переводе текстов по информационному праву / И. И. Макаревич. – РИВШ, 2015. – С. 4.
2. Макаревич, И. И. Практика перевода терминов международного права в части реализации целей устойчивого развития ООН / И. И. Макаревич. – Изд. БГУ, 2015. – С. 2.
3. Макаревич, Т. И. Особенности перевода профессиональной лексики информационно-коммуникационных технологий в аспекте межкультурных коммуникаций / Т. И. Макаревич. – Изд. БГУ, 2015. – С. 3.
4. Макаревич, Т. И. Терминологическое обеспечение метаязыка информационно-коммуникационных технологий / Т. И. Макаревич. – Изд. БГУ, 2016. – С. 2.
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июл. 1999 г. № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июн. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июн. 1999 г. – Минск : Амалфея, 2017. – 304 с.
6. Cybercrime [Electronic resource]. – Mode of access: <https://searchsecurity.techtarget.com/definition/cybercrime>. – Date of access: 14.12.2018.
7. Cybercrime classification and characteristics [Electronic resource] : in book Cyber crime and cyber terrorism, chapter 12. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/280488873_Cyber_crime_Classification_and_Characteristics?enrichId=rgreq-de2035527a4f70b93bfa11ef1e1a17d2-XXX&enrichSource=Y292ZXJQYWdlOzI4MDQ4ODg3MztBUzo1NDMyMjU2MzMyODAwMDBAMTUwNjUyNjQ5MTE1MQ%3D%3D&el=1_x_3&_esc=publicationCoverPdf/. – Date of access: 14.12.2018.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ПРАКТИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

И.А. Ситник

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, IAsitnik@bsu.by*

В статье проводится сопоставление некоторых теоретических направлений в языкознании и различных аспектов преподавания русского языка как иностранного. Предлагается утверждение, что в практике преподавания РКИ можно найти множество иллюстраций того, что данная дисциплина тесно связана с теоретической лингвистикой.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; теоретическое языкознание; лингвистика; теория речевых актов; функциональная грамматика.

THEORETICAL LINGUISTICS AND PRACTICE OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

I.A. Sitnik

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article compares some theoretical directions in linguistics and various aspects of teaching Russian as a foreign language. It is suggested that in the practice of teaching Russian as a foreign language one can find many illustrations of the fact that this discipline is closely connected with theoretical linguistics.

Key words: Russian as a foreign language; theoretical linguistics; linguistics; theory of speech acts; functional grammar.

Вопрос связи теории и практики безусловно важен в любой области знаний. Научное исследование не может претендовать на успешность, если теоре-